

Тадеуш Курочицки

Перевод фразеологических единиц : на материале перевода романа Л. Н. Толстого "Анна Каренина" на польский язык

Studia Rossica Posnaniensia 7, 149-160

1975

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ТАДЕУШ КУРОЧИЦКИ

Познань

ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(На материале перевода романа Л. Н. Толстого *Анна Каренина*
на польский язык)

Одной из важнейших проблем современного славяноведения является художественный перевод и, в частности, „взаимоотношение языка оригинала и языка перевода, в особенности в свете стилистических средств [...] например, идиоматика, пословицы и др.”¹, а также анализ соответствий языка оригинала языку переведенного текста.

Вопросы фразеологии и общая проблема сочетаемости слов в разных языках чрезвычайно существенны как для практики, так и для теории перевода, поскольку они часто представляют большие практические трудности и вызывают большой теоретический интерес, ибо „связаны с различием смысловых и стилистических функций, выполняемых в разных языках словами одинакового вещественного значения, и с различием сочетаний, в которые вступают такие слова в разных языках”².

Фразеологические обороты, как правило, несущие в себе большой заряд эмоциональности, являются для переводчиков одним из основных „строительных материалов” для воссоздания стиля оригинала. От умения отобрать соответствующий фразеологизм во многом зависит адекватность перевода. „Выбор лексико-фразеологических средств имеет решающее значение для адекватной передачи стиля автора в переводе. Необходимым условием достижения адекватности является умение отличить в подлиннике индивидуальное от стандартного, традиционного”³.

В последнее время уделяется особое внимание фразеологическим параллелям в родственных и неродственных языках, поскольку эти проблемы мало изучены и представляют несомненный интерес для теории и практики пере-

¹ *Решения и материалы совещания Международного комитета славистов*, Москва 1961, стр. 14.

² А. В. Федоров, *Введение в теорию перевода*, Москва 1958, стр. 169.

³ Я. И. Рецкер, *Задачи сопоставительного анализа переводов*. В кн.: *Теория и критика перевода*, Ленинград 1962, стр. 45.

вода. Наиболее перспективным методом исследования данных вопросов представляется типологический анализ, который дает возможность выявить общие закономерности становления и развития фразеологических параллелей, наметить общий фразеологический фонд, перейти к установлению фразеологических универсалий.

Возникновение универсальных соотношений многие лингвисты объясняют генетическим родством, языковыми контактами, общими кодовыми свойствами языков⁴. Ими могут быть также „параллельные языковые процессы, как результат развития общих тенденций, заложенных в языке-основе и реализуемых в ходе независимого развития родственных языков после их дифференциации”⁵.

Л. И. Ройзензон, занимающийся изучением фразеологии в сопоставительном плане на материале славянских языков и установивший параллелизм в развитии ряда фразеологических типов, подчеркивает, что „такого рода явление зиждется на одинаковом, если можно так сказать, фразеологическом восприятии и осмыслении фактов действительности. В связи с тем, что наблюдения человека над природой, над жизнью и т. д. у многих народов одинаковые, возникает одинаковое фразеологическое осмысление этих фактов, наблюдений и выводов, образуются одинаковые или схожие фразеологические обороты”⁶.

С. Скорупка утверждает, что сопоставительная фразеология „wymaga szczególnych i żmudnych zestawień pojedynczych wyrażeń i zwrotów bądź też stałych grup frazeologicznych w bardzo wielu językach, rodzinach i grupach językowych. Celem takich zestawień jest wykrycie wspólnych źródeł frazeologii europejskiej, w szczególności słowiańskiej, oraz powiązanie jej z dalszymi źródłami światowymi. Metoda porównawcza pozwoli lepiej zorientować się w tendencjach rozwojowych frazeologii, pozwoli wreszcie wydzielić w każdym języku to, co jest w nim swoiste, związane bądź ze strukturą języka, bądź z osobliwością kultury danego narodu, od tego, co jest wspólne wielu językom...”⁷.

В польском языкознании проделана значительная работа в области исследования особенностей и происхождения фразеологических единиц польского языка в сравнении с аналогичными образованиями других языков (причем,

⁴ Э. Бенвенист, *Классификация языков*. В сб.: *Новое в лингвистике*, вып. III, Москва 1963, стр. 49.

⁵ Г. С. Свешникова, *Типологический анализ и фразеология*. В сб.: *Ученые записки I-го МГПИИЯ им. М. Торгеза*, т. 42, Москва 1968, стр. 112.

⁶ Л. И. Ройзензон, *К проблеме сравнительного изучения фразеологии славянских языков* (чешские и верхнелужицкие фразеологические параллели), „Prace Filologiczne” 1964, t. XVIII, cz. 2, s. 119.

⁷ S. Skorupka, *Z zagadnień frazeologii porównawczej*, „Prace Filologiczne” 1964, t. XVIII cz. 4, s. 119.

как близко-, так и неблизкородственных). Здесь могут быть отмечены работы И. Моравского, Т. Синко, Ф. Махальского, С. Скорупки и др.⁸

В процессе работы переводчик постоянно сталкивается с „идиоматичностью”⁹ ИЯ и ПЯ. В. Дорошевский отмечает, что „adekwatny przekład jakiegokolwiek tekstu na język inny niż oryginału możliwy jest wtedy, gdy mimo idiomatycznych form wypowiedania treści, jest dla nas jasne [...] to, co chcemy mówić za pomocą słów, czyli gdy jest dla nas jasna ich treść obiektywna, pozajęzykowa”¹⁰.

Однако прежде чем приступить к переводу необходимо выявить соответствие предложений в плане наличия идиом. Вот как понимает идиоматичность И. Бар-Хиллел: „Данное предложение на языке L_1 является идиоматическим по отношению к языку L_2 по данному двуязычному словарю и данному перечню грамматических правил, если и только если, не найдены никакие другие последовательности на языке L_2 , соответствующие последовательности слов данного предложения на языке L_1 , которые после рассмотрения подходящих грамматических правил дали бы грамматически и семантически удовлетворительный перевод”¹¹. Если признать существующее иноязычное соответствие сочетания объективным фактом, обусловленным традицией взаимоотношения языка L_1 и языка L_2 , то зависимость от словаря, перечня грамматических правил и индивида, который может признать данный перевод удовлетворительным или неудовлетворительным, отпадает. В таком случае сохраняется лишь зависимость идиоматичности от другого языка. Такую идиоматичность принято считать межъязыковой¹².

Теоретики перевода неоднократно указывали на трудности, возникающие при переводе устойчивых сочетаний слов с одного языка на другой¹³. Обычно значение целого фразеологического оборота на современном этапе развития языка не складывается из значений составляющих его компонентов, а является целостным и качественно новым. Трудность состоит в том, что слова с одинаковым в разных языках реальным значением, теряя в устойчивых сочетаниях свое первоначальное значение, приобретают совершенно новые семантические оттенки, свойственные фразеологической единице. Такие обороты делают речь более живой, естественной, свободной, придают высказываниям различного рода экспрессивность.

⁸ См. М. J. Morawski, *Kastor i Polluks*, Kraków 1937; Т. Sinko, *Klasyczne przysłowia w polszczyźnie*, Warszawa 1939; F. Machalski, *O irańskich krewniakach przysłów polskich*, „Problemy” 1956, nr 10; J. Krzyżanowski, *O najdawniejszych przysłowiaх polskich*, „Problemy” 1956, nr 4; J. Bystron, *Przysłowia polskie*, Kraków 1933.

⁹ W. Doroszewski, *O idiomatyczności języków*, „Prace Filologiczne” 1969, t. XIX.

¹⁰ Ibid., s. 8.

¹¹ И. Бар-Хиллел, *Идиомы*. В кн.: *Машинный перевод*, Москва 1958, стр. 251.

¹² И. А. Мельчук, *О терминах „устойчивость” и „идиоматичность”*, „Вопросы языкознания” 1960, № 4.

¹³ А. В. Федоров, *Основы общей теории перевода*, Москва 1968, стр. 198.

В данной работе мы рассмотрим некоторые вопросы перевода русских устойчивых сочетаний на польский язык с привлечением примеров из романа Л. Н. Толстого *Анна Каренина*¹⁴. Перевод устойчивых сочетаний слов представляет определенную трудность, порой значительную. Это связано с тем, что многие из них являются ярко образными, эмоционально насыщенными, часто национально окрашенными. В процессе работы над материалом мы установили несколько способов, использованных при переводе устойчивых сочетаний с русского языка на польский.

Эквивалентный перевод

Под эквивалентным переводом мы понимаем перевод устойчивого словосочетания единственно возможным соответствием — эквивалентом. Эквивалентность не нарушается наличием в отдельных случаях грамматических или лексических вариантов сочетания.

Эквивалентные переводы можно подразделить на две группы: а) абсолютные эквиваленты и б) относительные эквиваленты. И абсолютные и относительные эквиваленты являются адекватным способом перевода.

Польские абсолютные эквиваленты русских устойчивых сочетаний совпадают с ними во всех отношениях — по грамматической структуре, по лексическому составу, по значению и по образности, например:

Это такая честная, правдивая натура и *сердце золотое* (72/1).

To taka uczciwa, prawda natura i *serce złote* (79/1).

Я начинаю уставать от напрасного *ломания копий* [...] (124/1).

Zaczyna mnie nużyć to daremne *kruszenie kopii* [...] (140/1).

[...] и *затыкал рот* тем из легкомысленных товарищей, которые пытались намекать ему на его связь (184/1).

[...] i *zatykał usta* tym spomiędzy lekkomyślnych kolegów, którzy próbowali robić aluzje do jego romansu (222/I).

Теперь же, если уже ему *бросили перчатку*, то он смело поднимал ее [...] (316/1).

Skoro jednak obecnie *rzucono mu rękawicę*, podnosił ją śmiało [...] (368/I).

Выйдя в отставку, я *сожгу свои корабли* (340/1).

Jeśli podam się do dymisji, będzie to *spalenie za sobą mostów* (395/I).

[...] заговорили о нем, как о вновь поднимающейся *звезде первой величины* (382/1).

[...] uznano go za nową wschodzącą *gwiazdę pierwszej wielkości* (395/I).

¹⁴ Мы пользовались текстом романа *Анна Каренина*, входящим в издание: Л. Н. Толстой, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. 8, 9, Москва 1958. На восьмой том указывает цифра I, а на девятый — II. После каждого примера указывается страница (арабскими цифрами) и том (I или II). Текст польский цитируется по изданию: Lew Tołstoj, *Anna Karenina*. Tłumaczyła Kazimiera Ślakowiczówna, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa 1963.

[...] и его заботы о чужом ребенке *жгли* его *serdce* стыдом и раскаянием (99/II).

[...] i troskliwość okazywana cudzemu dziecku *palily* mu *serce* wstydem i żalem (112/II).

В приведенных русских устойчивых оборотах в той или иной степени утрачено лексическое значение составляющих компонентов в пользу значения сочетания. Польские эквиваленты устойчивых сочетаний в переводе предельно близки русским по образности, смыслу и стилистической окраске, т.е. в данных случаях представлена семантическая и функциональная тождественность.

Польские эквиваленты русских устойчивых сочетаний слов полностью совпадают с последними по значению и стилистической окраске, но отличаются от них в плане грамматическом (расхождение в числе или в порядке слов), в образности же сводятся к расхождениям лексическим, например:

Что вам нужно? — спросила она быстрым, не своим, *грудным голосом* (18/I).

Czego pan sobie życzy? — powiedziała szybko jakimś obcym, *głębokim głosem* (17/I).

[...] и в особенности ее улыбка, всегда переносившая Левина в *волшебный мир* [...] (38/I).

[...] a zwłaszcza uśmiech, przenoszący Lewina w *zaczarowany świat* [...] (41/I).

Ужасно люблю *сделать* его *дураком* перед Кити, и сделаю (61/I).

[...] ogromnie lubię *wystrychnąć go na dudka* w obecności Kitty i na pewno to zrobię (67/I).

Константин Левин чувствовал себя нравственно *припертым к стене* (271/I).

Konstanty czuł się moralnie *przyparty do muru* [...] (292/I).

После обычных вопросов о желании их *вступить в брак* [...] (29/II).

Po zwykłych pytaniach, czy pragną *zawrzeć ślub* [...] (31/II).

[...] подбор, *борьба за существование* — и все (41/II).

[...] doborem naturalnym, *walką o byt* — i tyle (45/II).

Не говорю уже о тех *подводных течениях* [...] (400/II).

Już nie mówię o tych *głębinowych prądach* [...] (438/II).

Выборочный перевод

Под выборочным переводом понимается перевод устойчивого сочетания слов посредством одного из возможных фразеологических синонимов. Выбор того или иного синонима обуславливается характером русского словосочетания и контекстом.

Рассмотрим, например, перевод устойчивого сочетания *от всей души* на польский язык. В *Большом русско-польском словаре* оно передается следующим образом: *całą duszą, z całego serca, z całej duszy*¹⁵. В польском переводе романа *Анна Каренина* встречаем еще один вариант передачи этого устойчивого словосочетания:

¹⁵ А. Минович, И. Дулевич, И. Грек-Пабис, И. Марыняк, *Большой русско-польский словарь*, т. I, Москва — Варшава 1970, стр. 270.

[...] в семье она — и не не для того только, чтобы показать пример, а *от всей души* — строго исполняла все церковные требования (291/I).

[...] w obrębie rodziny — i to wcale nie dla przykładu, lecz naprawdę *ze szczerego serca* — ściśle trzymała się wszystkich cerkiewnych przepisów (338/I).

Из группы польских фразеологических синонимов отобран такой, который по оттенку значения вполне соответствует русскому обороту. Рассмотрим еще некоторые примеры:

[...] это господин Крицкий, мой друг еще из Киева, очень *замечательный человек* [...] (96/I).

To pan Kricki, mój przyjaciel jeszcze z Kijowa, bardzo *niepospolity człowiek* [...] (113/I).

Но Стрёмов, чувствуя себя *задетым за живое* в последнем заседании [...] (402/I).

Striomow wszakże, który na ostatnim posiedzeniu *почuł się wielce dotknięty* [...] (478/I).

Я весь *в вашей власти* [...] (452/I).

Jestem zdany na pańską *łaskę i niełaskę* [...] (528/I).

[...] она *исполняла свои обряды* [...] (74/II).

Kitty zawsze *spełniała* wszystkie *praktyki* (84/II).

Важную роль при отборе того или иного польского фразеологического синонима выполняет контекст, в котором употребляется русское устойчивое сочетание.

Свободный перевод

Нередко бывает и так, что в польском языке нет эквивалента русскому устойчивому сочетанию. В таких случаях переводчик вынужден прибегнуть к свободному переводу. Термин „свободный перевод” является условным, и его не следует понимать в значении „вольного” перевода. В данном случае свободный перевод противопоставляется как эквивалентному, так и выборочному переводам и предполагает создание переводчиком индивидуального эквивалента.

Свободный перевод устойчивых сочетаний слов русского языка на польский в романе *Анна Каренина* мы подразделяем на два типа: калькирование и описательный перевод.

Калькирование — это дословный перевод, при котором грамматические, семантические и стилистические нормы языка (в данном случае польского) не нарушаются, так как нарушение подобного типа может привести к буквализму. Переводчик романа *Анна Каренина* допускает свободный перевод в таких случаях, когда в польском языке эквивалента нет, а дословный перевод русского устойчивого сочетания, особенно метафорического, будет полностью понятен. Например:

Алексей Александрович! Я не говорю, что это не великодушно, это непорядочно — *бить лежачего* (395/I).

Aleksy Aleksandrowiczu! Już mniejsza, że to nieszlachetnie, ale *bić leżącego* to — nieprzyszwoitość (470/I).

Устойчивый оборот *бить лежачего* переведен дословно.

Этот способ применяет переводчик и в тех случаях, когда важно сохранить окраску русского оборота, а использование соответствующего польского оборота внесло бы в перевод польскую реалию. Например:

Tłajzela szanka Monomacha! — сказал ему шута Степан Аркадьич (184/II).

Cieżka jest czaraka Monomacha — zażartował z niego Stiepan Arkadjicz (212/II).

А признайтесь, есть чувство, как у *гоголевского жениха*, что в окошечко хочется выпрыгнуть (15/II).

Niech się pan przyzna, że ma pan to samo uczucie, co *narzeczony u Gogola*, i że miałby pan ochotę wyskoczyć oknem! (14/II).

[...] князь Щербацкий, ездивший после Карлсбадена в Баден и Киссинген к русским знакомым набраться *русского духа* [...] (253/I).

[...] książę Szczerbacki, który po Karlsbadzie jeździł do Baden i do Kissingen, do znajomych rodaków, aby *zaczepnąć*, jak powiadał, *rosyjskiego ducha* (293/I).

[...] которых теперь, всех размеров, от тысячи до пятидесяти тысяч в год жалования стало больше, чем прежде было теплых *взяточных мест* (315/II).

[...] obecnie w Rosji namnożyło się więcej, niż było dawniej, przytulnych *posadek łapowniczych* (367/II).

При описательном переводе обычно раскрываются понятия. Рассмотрим, например перевод устойчивого сочетания „дурное общество”:

[...] погибший человек, промотавший большую долю своего состояния, вращающийся в самом странном и *дурном обществе* [...] (35/I).

[...] człowiek wykolejony, który strwonił część własnego majątku, obracał się w najdziwniejszym, *najgorszym towarzystwie* [...] (37/I).

Сочетание „дурное общество” в данном случае необходимо перевести свободным словосочетанием, так как дословный перевод в данном контексте невозможен.

В отличие от эквивалентного перевода, использующего одно готовое решение (с учетом возможных фразеологических вариантов), и от выборочного перевода, при котором осуществляется выбор синонима, наиболее подходящего к данному контексту, калькирование и описательный перевод создают новый, оригинальный текст перевода романа *Анна Каренина*. При использовании подобного способа перевода необходимо руководствоваться не только характером сочетаний, но и стилистической окраской контекста. Например:

[...] он скоро почувствовал, что в душе его поднялись *желания желаний*, тоска (37/II).
Wkrótce stwierdził u siebie *niedosyt pragnień*, tęsknotę (41/II).

[...] он прямо противодействовал распространению *народного образования* [...] (237/II).

[...] przeciwdziałał wprost rozpowszechnieniu *oświaty wśród ludzi* [...] (274/II).

Проходя *сквозь строй* насмешливых взглядов [...] (96/II).

Przechodząc *pośród szpaleru* krzywych spojrzeń [...] (108/II).

[...] но очевидно было, что он счастлив и *держит себя под узды* [...] (256/II).

[...] było jednak widoczne, że jest uszczęśliwiony i tylko *panuje nad sobą* [...] (297/II).

[...] Степан Аркадьич, чувствуя, что он *кривит душой* [...] (332/II).

[...] Stiepan Arkadziej był *świadom własnej obłudy* [...] (387/II).

[...] он *кривил душой* [...] (186/II).

[...] *odpowiedź nie była szczerą* [...] (206/II).

Однако при применении этого способа можно встретить и словарные соответствия, приближающиеся к буквализмам, что не всегда передает семантическое значение устойчивого словосочетания оригинала, а в некоторых случаях даже изменяет содержание. Например:

избил до смерти (110/1) — *prawie na śmierć* (124/1). Здесь лучше было бы сказать *do nieprzytomności*.

„Женщины — это главный *камень преткновения* в деятельности человека”... (402/1) — *...kamień obrazu*... (452/1). Не столько *obrazu* сколько *przeszkody* или *zawady*.

„Вчера *загнали* (речь идет о лошади) [...] десять верст *не путем гнали* [...]” (181/II) — „Wczoraj go tak *zagnali* [...] dziesięć wiorst *polnymi drogami* [...]” (208/II).

Слово *путь* в последнем примере употреблено в особом значении и не соответствует прямой семантике данной лексемы. *Не путем* не обозначает здесь дороги в буквальном переводе на польский слова *путь*, а обозначает несоответствующее отношение людей к лошади.

Некоторые устойчивые сочетания слов не переводятся на польский, так как нет соответствующих эквивалентов, вместо них переводчик ставит многоточие, например:

Ни одной мысли в голове, *хоть шаром покати* [...] (267/I).

W głowie mam pustkę, ani jednej myśli [...] (309/I).

В этом случае можно было свободно передать мысль, содержащуюся во фразеологизме при помощи польского устойчивого сочетания *pusto jak wymiółł*.

Перевод устойчивых фраз

Каждый язык располагает фразами, которые воспроизводятся в определенных речевых ситуациях, а не создаются вновь из языковых элементов. Эти фразы будем называть устойчивыми. Они характеризуются как стандартностью, так и нестандартностью речевого употребления, ограниченной способностью (или неспособностью) замены лексического состава, неспособностью (или ограниченной) способностью трансформации структуры и т.д.

При переводе устойчивых фраз для переводчика значительную трудность представляет распознавание и адекватность передачи. Иногда переводчик принимает устойчивую фразу за регулярную и передает ее дословно. Это может быть вызвано отсутствием конкретных, легко различимых черт языковой стандартности (образности, архаичной структуры и т.п.), например:

Все-таки *не поминай* меня *лихом*, Костя!- и голос его дрогнул (382/I).
 Mimo wszystko, *nie wspominaj* mnie *źle*, Kostia! I głos mi zadrgał (454/I).

Или вот еще случай, когда переводчик принимает свободное сочетание слов за устойчивую фразу:

А дядя Фоканыч разве станет драть шкуру с человека? *Где в долг, где и спустит*. Ан и не добoret. Тоже человеком (396/II).

A wujek Fokanycz nie będzie przecie skóry dąć z człowieka. *Jednemu zborguje, drugiemu pofolguje*. No i w końcu nie wychodzi na swoim (465/II).

В данном случае не произошла утрата речевой стандартности, а также жанрово-стилистической и эмоционально-экспрессивной характеристики фразы.

При адекватной передаче устойчивых фраз романа *Анна Каренина* на польский язык переводчик стремился сохранить всю смысловую и стилистическую нагрузку фразы. Например:

И если думаешь, что ты унизишься, так *вот бог, а вот порог* (97/I).
 A jeśli ci się zdaje, że tobie to przynosi ujmę, to *fora ze dwora* (114/I).

При переводе устойчивых фраз переводчик сохраняет их эмоционально-экспрессивное содержание. Примером межъязыковой параллели эмоционального содержания могут служить пословицы типа:

Век живи, век учись! (98/II).
 Nie, naprawdę — *róki życia, róty nauki!* (111/II).

При этом переводчику не всегда удается соблюсти жанрово-стилистическую принадлежность фразы, например:

Кондуктор, противно пословице, хотел *по платью проводить* меня вон [...] (424/I).
 Konduktor, wbrew przysłowiu, sądząc po ubraniu chciał mnie wyciąć [...] (459/I).

Полностью пословица звучит „по платью встречают, а по уму провожают”. В переводе не сохранен дополнительный смысл фразы и стилистический замысел автора.

Перевод устойчивых фраз романа обязывает переводчика соблюдать степень речевой стандартности, которой почти все они обладают, однако, степень ее выражения может быть весьма различной. Например:

А черта мне в статье! Я по душе говорю (246/II).
Po diabła mi artykuły. Mówię z serca (285/II).
Ради бога, подумай о детях, они не виноваты (18/I).
Na miłość boską, pomyśl o dzieciach [...] (20/I).

„*Hu vom ey-bogu*, — улыбаясь сказал Левин [...] (15/II).

Na Boga — żartobliwie odparł Lewin [...] (15/II).

Польские соответствия содержат те же жанрово-стилистические признаки, что и русские устойчивые фразы.

При переводе устойчивой фразы равнозначной могут выступать полные эквиваленты, то есть устойчивые фразы с аналогичной смысловой структурой и сходной употребительностью. Например:

[...] и согласитесь, что всякое призвание имеет свою *оборотную сторону медали* (231/I).

[...] a każdy zawód, zgodzi się pan generał, ma też i *odwrotną stronę medalu* (269/I).

[...] но *жеребий брошен*, — сказал он [...] (215/II).

Kości zostały rzucone — dodał [...] (248/II).

Кто я? развратная женщина. *Камень на твоей шее* (343/II).

Kim że ja jestem? Upadła kobietą, *kamieniem u twojej szyi* (401/II).

В переводе романа *Анна Каренина* на польский язык мы наблюдаем и поэлементный перевод устойчивых фраз. При таком виде перевода устойчивых фраз лексические элементы фразы затемняются, приравниваются друг другу, и все это создает фразу, соответствующую смыслу исходной. Поэлементный перевод устойчивой фразы обычно влечет за собой снижение образности. Зато поэлементный перевод воспроизводит внутренний строй фразы (в большей или меньшей мере), национальную специфику образа, сохраняет актуализированный смысл ее. Например:

В гостях хорошо, а дома лучше, — отвечал он ей [...] (103/I).

W gościnie dobrze, ale najlepiej w domu — odpowiedział Konstanty i poszedł do gabinetu (121/I).

Туда ехала с матерью, а назад с сыном, — сказал он, отчетливо выговаривая, *как рублем даря* каждым словом (122/I).

[...] rzekł dobitnie, *darząc rozmówców każdym słowem jak rublem* (138/I).

С ним случилось в этом отношении то, что, говорят, случается с пьяницами: *первая рюмка — колом, вторая — соколом, а после третьей — мелкими пташечками* (268/II).

Przytrafiło mu się to, co, jak powiadają, zdarza się pijakom: pierwszy kieliszek staje im w gardle jak kolec, drugi — wpada w nie jak sokół, a począwszy od trzeciego — kieliszki cisną się już hurmem jak drobne ptaszka (311/II).

Переводчик воссоздает формальные признаки жанрово-стилевой принадлежности фраз, в результате чего происходит стилизация перевода под типичную структуру пословиц. Это достигается введением соответствующей синтаксической схемы, словарного состава, ритмического рисунка и т.д.

При описательном переводе устойчивых фраз их общий смысл передается свободным сочетанием слов. При этом наблюдается значительная потеря образности и эмоциональной окрашенности фразы, отсутствие актуализации ее смысла, снижение речевой стандартности. Например:

Смотри, барин, *взялся за гуж*, не отставать! — сказал он [...] (277/I).

No, panie dziedzicu, *skoroś się do tej roboty zabrał*, uważajże, byś nie zostawał w tyle! (321/I).

Он не верил *ни в чох, ни в сон* [...] (362/I).

[...] *nie wierzył absolutnie w nic* [...] (421/I).

В русском языке устойчивая фраза *ни в сон, ни в чох* (т.е. чиханье) при дословном переводе обозначает *ni w sen, ni w kichanie*. Это не столько отрицание вообще, сколько отрицательное отношение к предрассудкам.

Да вы уж как ни делайте, он коли уж лентяй, так все будет *через пень колоду валить* (375/I).

Cokolwiek by panicz zrobił, to jeśli z chłopa leń, i tak *nic nie pomoże* (466/I).

Здесь дано основное значение фразы (делать медленно, неповоротливо, неумело или кое-как)¹⁶.

Мы придерживаемся мнения, что любую идею можно передать средствами разных языков, в частности, содержание, выраженное фразеологизмом одного языка, можно выразить фразеологизмом другого языка. Это свойство языка особенно важно при переводе произведений художественной литературы. Одновременно это дает нам возможность сопоставительного подхода к изучению фразеологических параллелей, что находит свое подтверждение в том, что А. Мартине назвал „первым членением языка”, т.е. способом „группировки данных опыта, свойственного всем представителям определенной языковой общности”¹⁷.

Эквивалентация фразеологизмов в сопоставительном плане представляется в четырех аспектах: а) фразеологизм, равнозначный другому фразеологизму, б) фразеологизм и нефразеологическое сочетание, в) фразеологизм, равнозначный одной лексеме, г) фразеологизм и две эквивалентные передачи его во втором языке: фразеологизмом и свободным сочетанием. Эту четвертую возможность необходимо учитывать ввиду того, что фразеологизмы обоих языков иногда не совпадают по стилистической квалификации, и свободным сочетанием в таких случаях легче сохранить стилистическую норму.

Таковы некоторые аспекты перевода фразеологических единиц, романа *Анна Каренина* на польский язык. Мы остановились только на некоторых вопросах фразеологии в плане сопоставительном. Нас интересовала возможность нахождения точных фразеологических эквивалентов при переводе с русского языка на польский. Сравнительно-сопоставительное исследование фразеологии имеет и чисто лингвистический аспект (сопоставительная характеристика двух фразеологических систем, установление их специфики и т.д.), и сугубо

¹⁶ *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. Молоткова, Москва 1968, стр. 54.

¹⁷ А. Мартине, *Основы общей лингвистики*. В сб.: *Новое в лингвистике*, вып. III, Москва 1963, стр. 377.

прикладной характер. Оно поможет также разрешить практические задачи, связанные с вопросами перевода, обучения русскому языку в польской среде, лексикографической практики. Что касается последнего вопроса, то на основании собранного материала и его польского перевода мы попытаемся создать русско-польский фразеологический словарь языка романа Л. Н. Толстого *Анна Каренина*. Это будет лабораторная попытка для дальнейшей разработки русско-польских фразеологических параллелей и накопления материалов для русско-польского фразеологического словаря.

THE TRANSLATION OF IDIOMS

(based on the Polish translation of L. N. Tolstoy's *Anna Karenina*)

by

TADEUSZ KUROCZYCKI

Summary

Some problems of translation of idiomatic expressions were discussed in the present article. The discussion was based on the translation of L. N. Tolstoy's novel *Anna Karenina* into Polish. The translation of idiomatic expressions presents numerous difficulties. This is due to the fact that most idioms contain considerable emotional load, sometimes are characteristic of those who use them. On the basis of the material taken from the original novel in Russian and its translation into Polish several ways of translation have been found. These were used by the translator and such ways can be enumerated: the idiom has its equivalent in Polish, the suitable but not exact equivalent in Polish is used, loose translation or translation which is descriptive are used.

There are four aspects of idioms as far as their comparative plane is concerned: a. the idiomatic expression is equal to the one in another language, b. the idiomatic expression and a phrase which is not an idiom, c. the idiomatic expression and one word. d. the idiom and its two equivalents in another language: idiomatic expression and words that are loosely structured. Particular attention should be paid to the last aspect; the idiomatic expressions in both languages are not equivalents as far as stylistic classification is concerned. It is possible to retain the stylistic norm through the rendition of idioms by loose translation of its meaning.